

После переезда в Юньдуянь Жун Чэньцзюнь стал просыпаться еще раньше. Вместе с ним приходилось подниматься и малышу.

Чэньцзюню было до глубины души жаль будить кроху ни свет ни заря. Оставить его дома и отправиться в офис одному? Но он слишком боялся новых непредвиденных опасностей. Взвесив все за и против, он решил, что безопаснее держать маленького друга при себе.

Время в этой суматохе летело незаметно. До начала Недели моды оставалось всего десять дней. Вся компания стояла на ушах от забот, а самому Жун Чэньцзюню уже совсем скоро предстояло лететь за границу.

Малыш И Даньдань еще никогда не бывал в таких далеких краях, поэтому Жун Чэньцзюнь твердо вознамерился взять его с собой. Он с головой ушел в хлопоты, собирая вещи для своего маленького спутника.

Специально для этого он купил крошечный, изящный кожаный чемоданчик размером едва ли с пару ладоней. Туда с легкостью поместилось все нехитрое имущество малыша: крошечные одежки, обувь, личная пиала и чашечка. Чемоданчик плотно набился доверху, и Чэньцзюнь уложил его внутрь своего большого дорожного сундука, ради чего пришлось пожертвовать местом для одной пары туфель.

Самого И Даньдана мысль о заграничном путешествии привела в неописуемый восторг. Он без устали крутился под ногами у Чэньцзюня, стараясь помочь со сборами, и непременно потребовал взять с собой тряпичную собачку, которую тот сшил для него вручную.

Цзи Цзин, дождавшись, пока они закончат приготовления, соизволил явить свою запоздалую мудрость:

— Если ты собираешься тащить Маленькое Яйцо за границу, сначала придется оформить визу в Ассоциации монстров. Иначе на досмотре его попросту конфискуют.

Улыбки на лицах Жун Чэньцзюня и И Даньдана мгновенно погасли.

— Что это значит? — нахмурился Жун Чэньцзюнь. — И почему ты молчал до сих пор?

И Даньдань от обиды задрожал, он едва не расплакался. Эта новость обрушилась на него как гром среди ясного неба. Бедный малыш от шока потерял дар речи.

Цзи Цзин, словно не замечая их отчаяния, продолжал сыпать соль на раны:

— Вы что, думали, будто заклинатели и монстры водятся только в нашей стране? Все эти вампиры, оборотни, мумии — они ведь тоже существуют на самом деле. Если нечеловеческие создания будут бесконтрольно шастать по миру, они непременно влипнут в неприятности с

местной нечистью. А лишние скандалы в прессе вредят международным отношениям. В конце концов правители разных стран договорились между собой и ввели строгие правила для всех иных существ: хочешь пересечь границу — будь добр, получи визу.

Жун Чэньцзюнь не на шутку встревожился. Если монстрам нужны документы для выезда, то как быть ему самому?

— Мне, получается, тоже нужна виза?

Цзи Цзин с ленивым видом откусил кусок яблока. Его пестрый наряд и самодовольная физиономия так и просили хорошей затрещины.

— Разумеется. Полудемон — все равно демон. В аэропортах ведь стоят не обычные рамки, а особые артефакты, улавливающие любые колебания потусторонней энергии. Если у тебя есть виза, на которую наложено защитное заклятие, детектор промолчит. Но без нее тебя сразу же скрутят.

Жун Чэньцзюнь не стал тратить слова на ветер. Он решительно шагнул от чемодана, повалил Цзи Цзина на диван и принялся методично его колошматить.

И Даньдань, яростно прыгая рядом, подначивал:

— Сильнее! Жун-жун, врежь ему! Врежь хорошенько!

Подбадриваемый малышом, Чэньцзюнь удвоил усилия.

Цзи Цзин истошно завопил, пытаясь закрыть лицо руками:

— А-а-а! Пощадите! Не бейте по лицу, испортите красоту! Да откуда мне было знать, что вы собрались лететь? Сами ведь ничего не говорили!

Жун Чэньцзюнь, отведя душу, отпустил бедолагу и устало опустился на диван.

— Не говорил? Я еще позавчера предупредил, что мы улетаем. Ты просто издеваешься!

И надо признать, Цзи Цзин действительно сделал это нарочно. Ему просто надоело изо дня в день наблюдать за их нежностями и бесконечными обнимашками. Вот он и решил устроить им мелкую пакость в отместку. Впрочем, меру он знал и затягивать шутку до опасного предела не планировал.

— Да ладно вам, чего вы так вскипятились? Я же все-таки рассказал. До вылета еще целых три

дня, мы все успеем!

— Вспомнил за три дня до рейса и еще смеешь утверждать, что время есть? — холодно процедил Жун Чэньцзюнь.

И Даньдань, не смысливший в бумажной волоките, растерянно посмотрел на Чэньцзюня:

— Жун-жун, а визу долго делать?

Обращаясь к крохе, Чэньцзюнь мгновенно сменил гнев на милость, его голос зазвучал мягко:

— Очень долго, малыш. Обычно это занимает от двух недель до нескольких месяцев.

И Даньдань не на шутку перепугался:

— Что же тогда делать? Жун-жун, если ты не сможешь полететь, как же показ?

Проведя бок о бок с Жун Чэньцзюнем столько времени, он прекрасно понимал, что грядущая весенняя презентация новой коллекции полностью держится на плечах его опекуна. Чэньцзюню нужно лично утрясать детали с организаторами показов, встречать высокопоставленных гостей, контролировать подготовку за кулисами и решать любые форс-мажорные вопросы. А в финале — выйти на подиум вместе с моделями под аплодисменты зала.

После показа планировались бесконечные банкеты, интервью для прессы и важные переговоры с дистрибьюторами. Присутствие Чэньцзюня требовалось буквально везде. Если он не полетит, показ окажется на грани срыва.

Бренд Чэньсин должен был открывать Неделю моды, и неявка главного дизайнера сулила катастрофические последствия. Жун Чэньцзюня навсегда занесли бы в черные списки крупнейших модных домов мира, акции компании полетели бы в тартарары, а его репутации пришел бы конец. Такой удар не пережила бы ни одна фирма.

Малыш едва не плакал навзрыд. Он своими глазами видел, сколько сил и бессонных ночей Жун Чэньцзюнь положил на этот проект. Если все пойдет прахом из-за какой-то бумажки, он будет раздавлен.

Дизайнер тоже побледнел от досады, однако в глубине души он понимал, что винить одного лишь Цзи Цзина несправедливо. Он сам лишь позавчера сообщил другу о поездке, и даже тогда времени на стандартное оформление уже не оставалось.

Чэньцзюнь тяжело вздохнул. Похоже, с показом придется попрощаться.

Видя их удрученный вид, Цзи Цзин, все еще потиравший ушибленные бока, смущенно кашлянул. До его куриных мозгов наконец дошло, что шутка зашла слишком далеко.

— Ну чего вы носы повесили? Я же просто подразнить вас хотел! Для монстров визу делают в два счета, никаких месяцев ждать не нужно.

Жун Чэньцзюнь медленно поднял на него тяжелый взгляд. Он не произнес ни слова, но во взоре его отчетливо читалось: «Если ты сейчас же все не объяснишь, живым из этой комнаты ты не выйдешь».

Цзи Цзин вздрогнул от озноба и тут же растерял всю свою спесь:

— Обычным людям визы делают долго, потому что желающих уехать — миллионы, очереди гигантские. А у нас, монстров, население крошечное, за границу летают единицы. Проверка проходит моментально. Максимум час — и документы готовы!

Иначе разве посмел бы он так глупо шутить? Будь у него хоть десять жизней, он не стал бы так рисковать. Цзи Цзин сам крутился в этой индустрии и прекрасно понимал, чем грозит неявка Жун Чэньцзюня на показ.

Жун Чэньцзюнь и И Даньдань молча созерцали его нелепую огненно-рыжую шевелюру и кричащий наряд. В головах обоих билась одна и та же мысль: «Как этот павлин умудрился дожить до своих лет с таким невыносимым характером?»

Чэньцзюнь, устав от этого балагана, просто указал пальцем на дверь, недвусмысленно предлагая гостю выметаться.

Цзи Цзин угодливо залыбился:

— Ну не сердись, босс! Глупый розыгрыш, признаю. Забудьте вы про него.

И Даньдань со всей серьезностью надул щеки и принялся отчитывать старшего:

— У шуток должны быть границы, дядя Цзи! Тебе уже три тысячи лет, а ума меньше, чем у ребенка. Презираю тебя!

— Да-да, виноват, каюсь! — запричитал Цзи Цзин. — Клянусь, больше ни-ни. Давайте лучше я расскажу, какие бумаги нужно подготовить для Ассоциации.

Жун Чэньцзюнь опустил руку, сменив гнев на милость. Цзи Цзин облегченно выдохнул и поспешил подробно перечислить необходимые документы.

Внимательно выслушав и сделав мысленные заметки, Чэньцзюнь спросил:

— А что писать в графе «уровень совершенствования»? Я ведь еще даже не начинал практиковать. У меня нет никаких сил.

Цзи Цзин одарил его сочувствующим взглядом. По-хорошему, любого новообращенного монстра, попавшего в Ассоциацию, должен курировать старший представитель его вида — и полудемоны не исключение. Однако Жун Чэньцзюнь умудрился оказаться сыном самого господина Цзю. Из-за этого деликатного родства он теперь даже носа в Ассоциацию не казал, так что учить его азам магии было попросту некому.

При этом сам великий господин Цзю, по слухам весьма довольный обретением наследника, за все время так ни разу и не соизволил явиться лично. В кулуарах Ассоциации монстров уже вовсю шептались и строили самые дикие теории. Кое-кто из местных сплетников даже утверждал, будто Чэньцзюнь — вовсе не родная кровь Девятого старейшины. Иначе с чего бы могущественному лису мариновать собственного сына больше месяца? Это не лезло ни в какие ворота. Обычно любой монстр, узнав о существовании потомка, прыгал от радости и расшибался в лепешку ради его воспитания. Истории с потерянными полукровками случались и раньше, но их всегда забирали в клан без промедления. Случай Жун Чэньцзюня стал уникальным прецедентом.

Цзи Цзин не решался вываливать все эти грязные сплетни на голову босса, а потому предпочитал прикидываться дурачком и просто плыть по течению, наблюдая, куда выведет кривая.

Чего нельзя было сказать о некой нерешительной лисице, которая уже добрый месяц безвылазно торчала на крыше загородной виллы. Услышав слова сына, Девятый старейшина едва не свалился с конька крыши от ужаса. В своей панической боязни подойти к сыну и открыться ему он напрочь позабыл о самом главном — научить ребенка управлять собственной силой!

Всё, пиши пропало. Теперь его собственная кровиночка наверняка считает отца последним негодяем.

Впрочем, сам Жун Чэньцзюнь о подобных глупостях даже не задумывался. Он мало что знал о мире монстров и не спешил расспрашивать Цзи Цзина, рассудив, что разузнает обо всем в Ассоциации, когда поедет туда просить лекарство для малыша. До сих пор визит откладывался лишь из-за бешеного графика подготовки к показу — у Чэньцзюня не было ни единой свободной минуты. Он планировал завершить все дела с презентацией, взять небольшой отпуск и уже тогда спокойно навестить старейших представителей иных кланов.

Свой вопрос он задал просто к слову, даже не подозревая, какую бурю мыслей вызвал в чужих головах.

Цзи Цзин, заметив абсолютное спокойствие на лице босса, осторожно ответил:

— Ничего страшного. В графе «сила» напиши просто «отсутствует». Сейчас в Ассоциации все равно уже никого нет, рабочий день окончен. Давай съездим туда завтра спозаранку.

— Договорились. Иди к себе и ложись, а мы с Даньданем в душ.

После переезда в просторный особняк бытовые проблемы разрешились сами собой. Комнат стало вдоволь, а три санузла позволили Цзи Цзину больше не устраивать утренние бои за раковину. Жун Чэньцзюнь с И Даньданем обосновались на втором этаже, а рыжий павлин занял первый. У каждого появилось свое личное пространство, и все трое были вполне довольны жизнью.

Когда два великих чистюли и любителя долгих водных процедур наконец закончили прихорашиваться, стрелки часов уже перевалили за полночь. Жун Чэньцзюнь вышел из ванной, лениво вытирая полотенцем влажные волосы. Вдруг сидевший на его плече малыш удивленно пискнул:

— Жун-жун, гляди! У тебя на кровати что-то лежит!

Чэньцзюнь перевел взгляд на постель. Посреди огромной королевской кровати сиротливо покоились два предмета: тонкая нефритовая пластинка и неприметное кольцо из того же материала.

Мужчина мгновенно подобрался, его взор скользнул по комнате. Кругом царил идеальный порядок, ни одна вещь не сдвинулась с места, не было и намека на чужое присутствие. Откуда же тогда взялись эти вещи?

Он прикрыл ладонью сидящего на плече кроху и быстро вышел в коридор, громко позвав:

— Цзи Цзин!

Тот уже сладко спал, но на призыв хозяина среагировал мгновенно. Смазанной тенью взлетев на второй этаж, он закричал сквозь полусонную зевоту:

— Что случилось? Кто горит?

Вид готового к бою защитника немного успокоил Чэньцзюня.

— В дом кто-нибудь проникал? Человек... или монстр? — спросил он ровным, ледяным тоном, в котором, однако, сквозила скрытая угроза.

От этих слов с Цзи Цзина разом слетела вся дремота. Он ощутимо вздрогнул.

— Нет, никого. С чего бы вдруг?

— Иди за мной, — Чэньцзюнь развернулся и вошел обратно в спальню.

Цзи Цзин последовал за ним. Увидев лежащие на покрывале нефритовое письмо и кольцо, он замер как вкопанный от изумления.

Пусть он и спал, но звериное чутье никогда не подводило древнего монстра. Даже во сне частица его духовного восприятия незримым куполом накрывала весь особняк. Сквозь эту защиту не то что человек — муха бы не пролетела незамеченной.

И вот теперь реальность смачно отвесила ему пощечину. Вещи на постели Чэньцзюня красноречиво свидетельствовали: обычных незваных гостей Цзи Цзин, возможно, и поймал бы. Но против высших сущностей, истинных божественных зверей, его магия была бессильна. Они вошли и вышли, а он даже ухом не повел.

Цзи Цзин покраснел от стыда, а на душу легла тяжелая тревога.

— Босс... Похоже, у нас побывал гость из Ассоциации. Сильнейший из древних.

Жун Чэньцзюню не нужно было разжевывать очевидное. Против лома нет приема — если пришел высший демон, Цзи Цзин при всем желании не смог бы его остановить.

— Я понял, — холодно отозвался он. — Взгляни лучше на это. Что это такое?

— Это нефритовое письмо и кольцо-хранилище, — пояснил Цзи Цзин, осторожно приблизившись к кровати. — Письма раньше использовались повсеместно: для отправки вестей или записи магических техник. Сейчас, конечно, все перешли на смартфоны, так что это скорее дань традициям. А вот кольцо — штука куда более ценная. Внутри него скрыто огромное пространственное измерение. Оно гораздо удобнее и вместительнее обычных накопительных мешков.

Под конец в голосе Цзи Цзина проскользнули завистливые нотки. С первого взгляда было ясно, что вещица редкая и дорогая: безупречная матовая поверхность нефрита даже не бликовала, полностью скрывая внутреннее сияние артефакта.

— Чтобы активировать их, достаточно направить внутрь немного духовной силы.

Жун Чэньцзюнь скептически посмотрел:

— Прекрасно. Но у меня ее нет.

— Не беда, — отмахнулся Цзи Цзин. — Можно окропить их кровью. Капни сверху, а потом сосредоточься и мысленно пожелай открыть.

Сидящий на плече кроха с сомнением покачал головой:

— А вдруг там ловушка? Жун-жун, может, не стоит трогать эти вещи? Мало ли что там спрятано.

— Вряд ли, — покачал головой Чэньцзюнь. — Захоти этот гость причинить нам вред, мы бы и проснуться не успели. К чему такие сложности?

Жун Чэньцзюнь принес из кабинета иглу, аккуратно уколол палец и выдавил по капле крови на поверхность нефритовой пластины и кольца.

Тотчас же между ним и артефактами возникла незримая связь. Чувство было поразительным — казалось, эти неодушевленные предметы внезапно стали продолжением его собственного тела.

Он взял в ладонь нефритовое письмо и закрыл глаза, сосредоточив внимание на артефакте. Спустя мгновение перед его мысленным взором развернулись парящие в пустоте золотые письма.

Это была древняя магическая формула. Чэньцзюню хватило одного беглого взгляда, чтобы текст навечно выжегся в его памяти. Словно эти знания принадлежали ему от рождения, дремлющая внутри сила внезапно пробудилась. В его теле, повинаясь неведомому инстинкту, запустился процесс циркуляции энергии. Окружающий воздух наполнился мириадами светящихся искр — духовная ци полноводной рекой хлынула в его меридианы, прокладывая себе новые русла.

Вслед за этим пришла дикая, раздирающая плоть боль, будто изнутри него рвалось наружу нечто огромное и первобытное. Чэньцзюнь стиснул зубы, сясь не издать ни звука, чтобы не напугать притихшего Даньдана. Но мука оказалась слишком сильна. Боль, шедшая из самой глубины его крови, сокрушила волю мужчины, и он без сил рухнул на постель.

Даже в этот момент разум Чэньцзюня оставался кристально ясным. Чем сильнее становилась агония, тем больше древних знаний всплывало в его сознании. Нахлынувший поток чужих воспоминаний, веками хранившийся в его крови, грозил затопить разум.

Он больше не мог сдерживаться и глухо застонал, позабыв о присутствии И Даньдана и Цзи Цзина.

Малыш Даньдань пришел в ужас. Кожа Чэньцзюня в мгновение ока стала раскаленной, словно печь. Опаленный этим жаром, кроха взлетел с его плеча и закужил над постелью, отчаянно крича:

— Жун-жун! Жун-жун, что с тобой?!

Чэньцзюнь не отзывался на его отчаянные призывы. Теряя голову от страха, И Даньдань повернулся к единственному, кто мог прийти на выручку:

— Дядя Цзи! Что с ним происходит?! Помоги ему!

Цзи Цзин со всей серьезностью всматривался в искаженное мукой лицо своего босса.

— Началось, — негромко произнес он. — Его кровь пробуждается.

Малыш не находил себе места от беспокойства:

— Но ему же так больно! Вдруг он умрет?!

Прежде чем Цзи Цзин успел раскрыть рот, из темноты спальни раздался голос — холодный и чистый, точно ветер над заснеженными пиками гор:

— Он не умрет. Не стоит тревожиться.

И Даньдань и Цзи Цзин синхронно повернули головы и на миг лишились дара речи.

Перед ними стоял мужчина, чье лицо неуловимо напоминало облик Чэньцзюня, но дышало неземным холодом. Он завораживал своим взглядом и подчинял себе волю с первого раза. Длинные, почти до пят, иссиня-черные волосы струились по плечам, а просторные белые одежды колыхались от невидимого сквозняка, придавая его стройному силуэту сходство с небожителем, готовым вот-вот раствориться в воздухе.

Прежде И Даньдань полагал, что прекраснее Чэньцзюня нет никого на свете — дизайнер мог заставить малыша застыть в немом восхищении одной лишь легкой улыбкой. Но сейчас он не решился бы утверждать, что его друг превосходит этого незнакомца. От пришельца веяло ледяным равнодушием, но эта холодность парадоксальным образом лишь подчеркивала его порочную, пленительную красоту. При этом его никто не принял бы за женщину — слишком властной и подавляющей была его аура.

Оцепенение длилось лишь мгновение. И Даньдань быстро взял себя в руки и преградил незнакомцу путь, воинственно топорщась:

— Ты кто такой?! И что значит «не умрет»?

Цзю Цзинь опустил взгляд на крошечное существо размером с палец. Его мощное духовное

чутье без труда уловило исходящие от малыша волны искренней преданности, страха за Чэньцзюня и отчаянной решимости защитить его.

«Что ж, — мысленно одобрил великий лис, — мой сын не зря тратил силы на этого кроху».

— Его наследие спало слишком долго, — неторопливо объяснил Цзю Цзинь. — Врата крови не открываются без боли. Но когда он очнется, то переродится заново.

Малыш все еще сомневался. Он хотел спросить совета у Цзи Цзина, но, обернувшись, едва не задохнулся от возмущения. Рыжий недотепа стоял с приоткрытым ртом и заворуженно пялился на прекрасного незнакомца.

И Даньдань, вне себя от такой вопиющей глупости, подлетел прямо к его носу и оглушительно закричал:

— Дядя Цзи! Дядя Цзи, очнись! Он правду говорит или врет?!

Малыш разрывался на части: ему нужно было следить за корчащимся на кровати Чэньцзюнем, контролировать застывшего Цзи Цзина и не спускать глаз с таинственного мужчины в белом. Тревога когтями сжимала его крошечное сердце. «Жун-жуну так плохо, а этот тип... кто знает, что у него на уме? Если он решит напасть...»

Понимая, что медлить нельзя, Даньдань незаметно выудил из своего подпространства тухлое яйцо — свое секретное оружие неудачи — и покрепче сжал его в лапках, готовый к любому повороту событий.

Крик малыша наконец привел Цзи Цзина в чувство. Осознав, как глупо он выглядел со стороны перед лицом великого предка, он покрылся холодным потом.

Монстр поспешно согнулся в глубоком поклоне:

— Приветствую вас, Девятый старейшина.

Цзю Цзинь едва заметно сощурился и уронил короткое:

— Хм.

Услышав титул, И Даньдань все понял. Значит, этот величественный лис и есть тот самый внезапно объявившийся отец Чэньцзюня. Напряжение немного спало. Вряд ли родитель станет вредить собственной плоти и крови.

Малыш спрятал проклятие обратно в карман и поспешил вернуться к изголовью кровати, не сводя встревоженного взгляда с Жун Чэньцзюня.

Чэньцзюнь стал пугающе багровым. Он лежал с плотно зажмуренными глазами, то и дело срываясь на хриплые стоны. Под его кожей, словно живые змеи, перекачивались и бугрились утолщения энергии — они то проступали на щеках, то скользили по предплечьям, искажая идеальные пропорции тела. Под тонкой тканью халата, очевидно, творилось то же самое.

И Даньданю становилось все страшнее. Заметив крупный град пота на лбу друга, он подлетел к оставленному полотенцу и при помощи магии попытался направить его к лицу Чэньцзюня, чтобы облегчить его страдания.

— Не трогай его, — остановил его ледяной окрик Цзю Цзиня. — Любое прикосновение сейчас лишь утроит его муки.

Малыш испуганно замер и послушно выронил полотенце. Ему оставалось лишь зависнуть в воздухе над кроватью, молясь о скорейшем исходе.

Минуты тянулись бесконечно долго. И вдруг тело Жун Чэньцзюня начало менять очертания: кости с сухим хрустом перестраивались, размеры уменьшались, а кожа покрылась чистейшим белым мехом. Спустя мгновение на измятых простынях вместо человека лежала крошечная лисица.

Зверек оказался совсем крошечным — размером едва ли с раскрытую книгу. Его мех сиял ослепительной белизной свежеевыпавшего снега и казался невероятно мягким на ощупь. Он положил изящную мордочку на лапы и плотно закрыл глаза.

Но главное отличие от обычных лисиц скрывалось сзади. Из его крестца веером расходились девять роскошных, пушистых хвостов, мех на которых выглядел еще более шелковистым и нежным.

От крохотного тельца повеяло первобытной, невероятной мощью, несоразмерной его физической оболочке.

И Даньдань замер, улавливая эти волны. Он уже сталкивался с аурой монстра Чэньцзюня в день ее первого пробуждения, но тогда она казалась лишь робким ручейком. Теперь же комната заполнилась бушующим, бескрайним океаном силы.

Тяжелое давление этой ауры мгновенно сокрушило волю Цзи Цзина. Он не удержался и с тихим писком обратился в свое истинное обличие — крупного пестрого петуха, который забился в угол и мелко дрожал от первобытного страха перед извечным хищником.

И Даньдань, напротив, не почувствовал ни капли страха. Сила Чэньцзюня казалась ему теплой

и бесконечно родной. Более того, золотистые нити энергии ласково окутали крошечного человечка, словно заключая его в объятия.

Сам Жун Чэньцзюнь, пребывая в полубабыти, ощущал происходящее еще острее. Его разум полностью сохранил ясность. Он невидимым взором созерцал все, что творилось вокруг: испуганные метания Даньдана, дрожащего петуха в углу и неподвижный силуэт мужчины в белых одеждах.

Его ментальный источник — духовное море сознания — расширился до невероятных масштабов. Древняя память предков больше не причиняла боли; мириады образов и знаний послушно упорядочились в глубинах его разума, готовые открыться по первому требованию.

К нему пришло интуитивное понимание сути произошедших перемен. Прочитанные золотые строки были священным методом культивации клана Девятихвостых лис. Обычно это знание передавалось по наследству через кровь, но из-за своей полукровной природы Чэньцзюнь был лишен родового наследия. Получив утерянный ключ, он запустил процесс совершенствования, который мгновенно и безвозвратно пробудил его скрытые резервы.

Он не догадывался, что Цзю Цзинь подбросил ему эту технику лишь для того, чтобы заложить основы тренировок. Старейшина и помыслить не мог, что это спровоцирует мгновенное перерождение. По законам клана, инициация должна была проходить в священных землях предков под строгим надзором отца, который делился бы своей кровью.

Однако Жун Чэньцзюнь обладал феноменальным талантом. За долгие годы жизни среди людей его тело неосознанно впитало огромное количество чистой природной энергии. Когда он получил истинное руководство, эта накопленная мощь сдетонировала, запустив мгновенное пробуждение.

Цзю Цзинь испугался не на шутку и позабыл обо всех своих сомнениях, немедленно раскрыв свою ауру. По первоначальному плану он собирался еще как минимум полгода тайно наблюдать за сыном, изучить все его привычки и предпочтения, чтобы предстать перед ним идеальным, заботливым родителем.

Пусть планы и пошли прахом, старейшина не испытывал гнева. Его сердце переполнял дикий восторг. Одаренность его мальчика выходила за любые мыслимые рамки. Гордость за своего наследника грела душу древнего лиса!

Чэньцзюнь, не подозревая о буре чувств в душе отца, лишь вскользь скользнул по нему мысленным взором и полностью сосредоточился на поглощении энергии, оставив лишь крошечную часть внимания для защиты И Даньдана.

Он понимал, что этот момент — золотое время для укрепления основ. Полностью расслабив тело, маленький лис позволил духовным потокам беспрепятственно вливаться в его меридианы, направляя всю мощь к основанию своих девяти хвостов.

Заметив это, Цзю Цзинь незамедлительно извлек из своего кольца гору камней духа небесного качества и бережно разложил их вокруг спящего лисенка.

Тотчас же воздух в комнате сгустился до состояния плотного, сияющего тумана. Духовная энергия была настолько концентрированной, что начала сама проникать в поры застывших рядом Цзи Цзина и И Даньдана.

Петух мгновенно сообразил, какой редкий шанс ему выпал. Поджав лапы и зажмурив глаза, он устроился на полу подобно наседке на яйцах и принялся жадно впитывать божественную благодать. Цзи Цзин был тертым калачом и понимал, что Жун Чэньцзюнь при всем желании не сможет поглотить столько колоссальной энергии в одиночку. Раз великий старейшина не прогнал их, значит, милостиво позволил погреть руки у этого костра. Рыжий поспешил воспользоваться щедростью мастера.

Но И Даньдан вел себя иначе. Маленький и неопытный, он твердо знал одно: эта сила предназначена для его Жун-жуна. Кроха упрямо отказывался брать хоть каплю. К несчастью, из-за поврежденной основы и отсутствия родовых знаний он просто не умел перекрывать свои духовные каналы, и магия продолжала проникать в его крошечное тело.

Тогда он сосредоточил всю свою волю на одной мысли, твердя ее как заклинание:

«Мне ничего не нужно! Уходи! Вся сила должна достаться Жун-жуну! Не смей впитываться!»

Удивительно, но сила его намерения оказалась столь велика, что тело действительно заблокировало внешние потоки.

Цзю Цзинь, не спускавший глаз с постели, заметил это упрямство. В его душе шевельнулось теплое чувство симпатии к преданному малышу. Слегка покачав головой, он негромко произнес:

— Не глупи, глупыш. Открой каналы и принимай силу. Чэньцзюню одному не осилить такое море энергии.

Жун Чэньцзюнь, чье сознание парило рядом, тоже видел упрямство друга. Сердце его сжалось от нежности и боли, но помочь он не мог — его разум все еще был заблокирован процессом слияния в духовном море. Ему оставалось лишь наблюдать за тем, как кроха упрямо отвергает чистейшую магию. Слова отца заставили Чэньцзюня умерить свою неприязнь к нему.

И Даньдань, услышав совет великого лиса, надул губки:

— Откуда тебе знать? Жун-жун у меня самый сильный, он со всем справится! Я не буду красть его силу, все до капли принадлежит ему!

Затем он покосился на усердно медитирующего петуха и в ярости топнул ножкой:

— Эй, жадная птица! А ну прекрати воровать чужое! Все Жун-жуну оставь!

Глядя на эту картину, Цзю Цзинь не удержался от едва заметной, теплой улыбки. Забавный попался малыш. Старейшина легким взмахом руки снял ментальный блок с каналов Даньдана и мягко направил струящийся поток чистой энергии прямо в его крошечное тельце.

Всю ночь три создания в тишине особняка впитывали силу небесных камней духа. Если бы другие кланы узнали о подобном расточительстве, они бы задохнулись от зависти и ужаса. Камни такого качества давно считались легендой, бесследно исчезнувшей из мира! А великий лис без тени сомнения бросил это сокровище под ноги новообращенным юнцам просто для укрепления костей. Невиданная, кощунственная роскошь! Ведь такие камни берегли для преодоления смертельных барьеров при вознесении!

Но свидетелей не было. В комнате находились лишь баснословно богатый старейшина, которому не было дела до презренного золота, и двое ничего не смыслящих новичков. Единственным, кто понимал истинную цену происходящего, был Цзи Цзин. Петух едва не сходил с ума от восторга — эта ночь стала величайшим даром за все три тысячи лет его земного бытия.

К рассвету камни обратились в серую пыль.

Цзю Цзинь застыл у постели, не зная, стоит ли ему немедленно скрыться или остаться. Пока он предавался сомнениям, Жун Чэньцзюнь открыл глаза.

Он все еще пребывал в обличье зверя. Попытавшись потереть лицо, лисенок наткнулся на густой белый мех. С некоторым недоумением осмотрев свои пушистые лапы, он мысленно обратился к унаследованному знанию. Мгновение — и на кровати вновь сидел человек.

Он быстро запахнул шелковый халат и первым делом перевел взгляд на то место, где спал И Даньдань. Убедившись, что малыш невредим и просто спит, усваивая избыток магии, Чэньцзюнь облегченно вздохнул. Лишь после этого он соизволил посмотреть на замершего у кровати отца.

— Благодарю вас, почтенный старейшина, — вежливо произнес он, слегка склонив голову.

Хотя Жун Чэньцзюнь давно обо всем догадался, навязываться первым он не собирался. Если гость молчит — пусть молчит.

Обращение «почтенный старейшина» больно резануло Цзю Цзиня по сердцу. Не удержавшись, он выпалил:

— Я твой царственный отец.

Жун Чэньцзюнь лишился дара речи.

«Царственный отец? Что еще за пафосный бред?»

Заметив скепсис на лице сына, Цзю Цзинь решил, что тот отвергает его. Горечь затопила душу древнего лиса, и он принялся торопливо, глухо объяснять:

— Прости меня... Тебе пришлось несладко во внешнем мире. Я действительно ничего не знал. Твоя матушка скрыла от меня свою беременность, а после нашего расставания я ушел в глубокую медитацию и проспал века. О твоём существовании мне стало известно лишь недавно.

Жун Чэньцзюнь мысленно хмыкнул. Картина прояснилась. Банальная история о том, как строптивая возлюбленная могущественного лорда сбежала, унося под сердцем его наследника... Впрочем, ворошить дела давно минувших дней ему совершенно не хотелось.

— Я понял, — сухо отозвался он.

В воздухе повисло тяжелое, неловкое молчание. Ни старейшина, ни его новоявленный сын не отличались разговорчивостью. Жун Чэньцзюнь обычно обретал красноречие, лишь когда хотел уязвить собеседника ядовитым словом, но сейчас у него не было сил даже на иронию.

Цзю Цзинь судорожно пытался нащупать тему для беседы:

— Как ты себя чувствуешь? Твое тело полностью приняло силу предков? Родовая память открылась?

Вопросы о магии казались самым безопасным выходом из тупика.

— Все в порядке. Сила усвоена, знания открылись, — бесстрастно отрапортовал Чэньцзюнь.

И вновь спальню накрыла волна неловкости.

К счастью, в этот момент очнулся петух. С едва приличным для столь древнего существа визгом он подпрыгнул на месте:

— А-а-а! Свершилось! Я пробил барьер седьмого ранга! Боги, сколько лет я этого ждал!

Покудахтав от восторга еще немного, Цзи Цзинь наконец сообразил, в чьем обществе находится.

Заметив висящее в комнате напряжение, он поспешно склонился перед обоими хозяевами дома:

— Премного благодарен великому старейшине и вам, босс, за невыразимую щедрость! Моя признательность не знает границ, отныне я ваш верный должник до конца своих дней!

Его слова были чистой правдой. Он застрял на пике шестого ранга несколько столетий назад и уже потерял надежду на развитие. Сегодняшнее чудо произошло лишь благодаря Жун Чэньцзюню.

Чэньцзюнь почувствовал себя неловко от такого непривычного подобострастия и открыл было рот, чтобы осадить приятеля, но отец опередил его:

— Нам не нужны твои клятвы. Отныне твоя обязанность — оберегать моего сына и верно служить ему в течение ста лет.

— В этом нет нужды, — тут же отрезал Жун Чэньцзюнь. — Мне не нужны слуги.

Цзи Цзин ошарашенно уставился на молодого человека. Попытавшись оценить его новую ауру, петух едва не лишился чувств.

Шестой ранг! За одну-единственную ночь! Что это за чудовище?! Пробудить кровь и сразу же взлететь на такую высоту — о подобном таланте в мире монстров не слыхивали веками! Это было за гранью здравого смысла.

От изумления у него перехватило дыхание, он беззвучно открыл рот. Перед ним стоял не просто одаренный юноша — перед ним стоял гений, каких рождает сама вселенная раз в тысячелетие.

Осознание этого мгновенно вытеснило весь страх, оставив лишь одну ясную, кристальную мысль: «Я обязан уцепиться за эту золотую ветвь всеми силами!»

Прагматизм победил робость. Цзи Цзин решительно опустился на одно колено перед Чэньцзюнем и прижал руку к сердцу:

— Будьте спокойны, Девятый старейшина. С этого дня молодой господин — мой единственный повелитель. Я клянусь верой и правдой служить ему веком, оберегать его покой и отдать жизнь по его первому зову!

Повторив клятву верности лично Жун Чэньцзюню, он замер в ожидании ответа.

Чэньцзюнь даже не успел вставить слова, как рыжий павлин выпалил весь свой пафосный

монолог. Эти напыщенные клятвы вызывали у него лишь глухое раздражение.

— Прекрати этот цирк, — поморщился он. — Я тебе не господин. Иди займись чем-нибудь полезным.

Оставив преклоненного Цзи Цзина, он подошел к кровати и вновь с тревогой склонился над спящим малышом.

Они с петухом давно бодрствовали, так почему же И Даньдань все еще не подавал признаков жизни?

— Цзи Цзин, — позвал он. — Подойди, взгляни на Даньдана. Почему он не просыпается?

Тот, все еще сокрушаясь из-за холодного отказа принять его верность, мигом подскочил к изголовью. Внимательно осмотрев спящего кроху, он облегченно выдохнул:

— Все в порядке, молодой господин. Малыш просто перенасытился духовной силой. Его физическая структура отличается от нашей: у него нет меридианной сетки и родовых техник, поэтому усвоение магии идет медленно, на чистых инстинктах. Большую часть энергии его тело все равно не удержит и рассеет в воздухе. Думаю, минут через тридцать он придет в себя.

Чэньцзюнь и сам пришел к тем же выводам, но мнение опытного монстра окончательно развеяло его страхи.

— И прекрати называть меня молодым господином, — раздраженно бросил он. — На дворе двадцать первый век, монархию давно упразднили. У моей семьи нет трона, который нужно наследовать. Избавь меня от этого средневекового пафоса, мне за тебя стыдно.

Цзи Цзин ухмыльнулся, отчего его шевелюра показалась еще ярче:

— Но у вашего клана действительно есть корона, босс. Среди лис Девятихвостые — признанные владыки.

— Вот пусть те, кому это интересно, и правят, — отрезал Чэньцзюнь. — А мне чужого добра не надо.

В его словах сквозило чистое, ничем не прикрытое лукавство. Он с легкостью принял все дары своей божественной крови, но напрочь отказывался брать на себя сопутствующие обязательства. Подобное поведение мало чем отличалось от повадок ветреных повес, покидающих постель красавицы до рассвета. Впрочем, упрекнуть его было некому: Цзи Цзин просто не смел, а Цзю Цзинь и вовсе не видел в поведении сына ничего предосудительного.

— Если не хочешь править, то и не нужно, — поспешил поддержать его Девятый старейшина.
— Занимайся тем, к чему лежит душа. Пока я жив, дела клана тебя не коснутся.

Жун Чэньцзюнь почувствовал, как в груди что-то болезненно сжалось. Он не ожидал от сурового предка такой мягкости, и на душу вновь навалился хаос противоречивых чувств. Перед его мысленным взором пронеслись картины из прошлого: лишения, побои, издевательства, через которые ему пришлось пройти в семье Ян... Но виновен ли в этом стоящий перед ним человек? Если его слова — правда, и мать действительно утаила беременность, то винить отца в своих детских кошмарах было бы глупо и несправедливо.

И все же обида никуда не делась. Он не хотел признавать этого лиса отцом. По крайней мере, не сейчас.

Свое рождение он выбрать не мог, но его будущее принадлежало только ему. Ему не хотелось глубоко увязать в интригах мира монстров. В глубине души Жун Чэньцзюнь по-прежнему считал себя человеком. Пусть его тело только что приняло истинную форму, а в памяти отпечатались облик грациозного девятихвостого хищника, стереть двадцать лет человеческого воспитания в один миг было невозможно.

Прежде он был лишь полудемоном, но после ночного перерождения барьеры пали, сделав его чистокровным демоном. Осознать этот факт и принять его как должное — вещи совершенно разные. Он чувствовал себя человеком, гордым гражданином своей страны. Чэньцзюнь предпочел бы остаться простым смертным, нежели носить в себе грозную и чуждую кровь божественного зверя.

Но выбор был сделан за него. Он больше не принадлежал к роду человеческому. Вспомнив грязные ругательства семейства Ян, Чэньцзюнь с горечью признал, что в их словах была доля правды: он действительно являлся полукровкой, рожденным от союза смертной женщины и лесного духа.

И все же, несмотря на внутреннее смятение, его стремление к абсолютной силе оставалось непоколебимым. Ему нужно было стать могущественным, чтобы уберечь И Даньдана от любых невзгод. Малыш был его единственной уязвимостью. И если для защиты этого хрупкого существа требовалось стать демоном, Чэньцзюнь без колебаний отринул бы человечность.

Его идеи оставались прежними: восстановить поврежденную основу И Даньдана, а после — навсегда покинуть Ассоциацию монстров, это змеиное гнездо, от которого за версту веяло интригами.

Что же касается незваного родителя... Чэньцзюнь пока не знал, как себя с ним вести. Пусть все идет своим чередом.

Возможно, благодаря расширению духовного источника его мысли текли удивительно легко и плавно, а прежние сомнения рассеялись без следа. Приняв твердое решение следовать зову собственного сердца, он холодно ответил отцу:

— Жизнь покажет.

Цзю Цзинь уловил его холодность. Понимая, что сын еще не готов впустить его в свою жизнь, он тихо вздохнул. Божественные звери редко обзаводились потомством, а древний род Девятихвостых лис и вовсе угасал — до недавнего времени старейшина оставался последним представителем своей крови. Он давно смирился с мыслью, что великая династия прервется на нем, но судьба преподнесла ему этот бесценный подарок.

У него не было ни единого сомнения в подлинности их родства: узы крови и незримые нити кармы связывали их слишком крепко. Однако у лис совершеннолетие определялось не прожитыми годами, а уровнем магического мастерства. Лишь достигнув пятого ранга, молодой лис считался взрослым. Сам Цзю Цзинь потратил на это три долгих столетия упорных тренировок.

А его мальчик совершил невозможное. Всего за одну ночь подняться до шестого ранга — пусть даже при поддержке бесценных камней небесного качества — было невероятным триумфом. Будь Чэньцзюнь все еще слаб, Цзю Цзинь мог бы забрать его в Цинцю для долгого обучения. Но сын стал взрослым и сильным за считанные часы...

Древний лис чувствовал легкую грусть от упущенного времени, но гордость перевешивала все остальное. Это была его плоть и кровь — его наследник, чей триумф заставит содрогнуться всю Ассоциацию монстров.

Старейшина решил не давить на сына и не вмешиваться в его дела. Время — лучший целитель, а впереди у бессмертных лис была вечность. Рано или поздно Жун Чэньцзюнь примет его.

Невольное единодушие, к которому они пришли, явно свидетельствовало об их кровной связи.

Пока мужчины предавались размышлениям, лежащее на кровати яйцо внезапно озарилось мягким сиянием. Вспышка угасла, и на простынях появился крошечный человечек размером с палец.

Жун Чэньцзюнь мгновенно очутился рядом. Его глаза радостно заблестели, и он с нежностью спросил:

— Малыш, ты проснулся? Как себя чувствуешь?

<http://bllate.org/book/18224/1752049>